

УДК 342.724

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРАВО НАЦИИ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)*

**Дзидзоев
Валерий
Дударович**

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, Горский государственный аграрный университет; главный научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН; профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. (362040, Россия, г. Владикавказ, ул. Кирова, 37)
E-mail: dzidzoevv@mail.ru.

Аннотация

В статье анализируется проблема национального самоопределения вплоть до отделения и образования нового независимого государства. Автор совершает исторические экскурсы в историю Абхазии и Южной Осетии, подкрепляя их политико-правовыми документами, свидетельствующими о фактическом суверенитете двух молодых независимых государств Южного Кавказа. При этом обращается внимание на принципы научности, правдивости, объективности и историзма. Используются источники, посвященные абхазскому и югоосетинскому народам, а также документальные историко-правовые материалы, свидетельствующие о независимости двух молодых государств.

Ключевые слова: Абхазия, Грузия, Южная Осетия, Россия, суверенитет, независимость, право, концепция, экспансия, нация, договор, национальная политика, самоопределение, Советское государство, национально-освободительная борьба, Устав ООН, республика.

Национальное самоопределение, как известно, является ключевым принципом национальной политики, «наиболее полным выражением демократизма в национальных отношениях» [1. С. 202]. Как международно-признанный принцип оно родилось «из опыта национальных движений и формирования национальных государств XVIII – XIX вв., из мирового опыта решения национального вопроса» [1]. Национальное самоопределение нашло воплощение в образовании новых национальных государств не только в Европе, но и на других континентах земного шара, особенно после Второй мировой войны, когда независимых (суверенных) государств было чуть более пятидесяти. Национальное самоопределение предполагает добрососедское сожительство малочисленных и больших наций в федеративном государстве (например, США, ФРГ, Российской Федерации, Индии и т.д.), в демократическом решении вопроса о выходе нации из состава единого государства и образовании нового суверенного государства, например, отделение Норвегии от Швеции в 1905 г., «бархатный развод» Чехии и Словакии в начале 90-х гг. XX в. Таких примеров достаточно много.

Однако в мире чаще происходят случаи ожесточенных и кровопролитных войн за право нации на самоопределение, на образование нового суверенного государства. На постсоветском пространстве были конкретные войны за демократическое решение национального вопроса, реализацию права нации на самоопределение. Например, в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской Республике, Нагорно-Карабахской Республике, Луганской и Донецкой народных республик и т. д. В результате этих войн в общей сложности погибли десятки тысяч человек, а сотни тысяч – получили ранения, увечья и контузии.

В мире есть мало государств, которые по-настоящему считаются с проблемами малочисленных наций, когда последние заявляют о своем желании отделиться и создать суверенное государ-

* Статья печатается в авторской редакции.

ственное образование. Между тем, суверенность нации необходимо рассматривать как органическую часть демократии вообще. Входя в общее понятие демократии, нации следует рассматривать как часть «политической надстройки общества» [2. С. 28].

Воплощению в жизнь необходимых норм и принципов демократии и суверенности нации соответствует принцип самоопределения нации. Необходимо подчеркнуть, что национальное самоопределение является неотъемлемой частью национального суверенитета. Таким образом, национальное самоопределение и национальный суверенитет следует рассматривать как две стороны единой проблемы – государственно-правового самоопределения, свободного развития любой нации.

После развала СССР и образования новых суверенных государств на постсоветском пространстве некоторые молодые государства, например, Грузия, Украина, Латвия, Литва, Эстония, Молдова и др. повели себя как мини-империи. Так, например, лауреат Нобелевской премии А.И.Солженицын в известной статье «Как нам обустроить Россию?» назвал Грузию «мини-империей» [3]. Она была опубликована в 1990 г. в популярных газетах «Комсомольская правда» и «Литературная газета», где Нобелевский лауреат, помимо прочего, заступился за осетин, абхазов, турок-месхетинцев и других малочисленных народов, оказавшихся под государственным прессом независимой, суверенной Грузии [3]. То, что суверенная Грузия всегда проводила мини-имперскую политику и практику в отношении других народов своей страны подтверждается множеством фактов. Нет необходимости приводить их, тем более, что они подробно изложены в ряде научных исследований и документальных работах [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Приведу лишь характеристику Грузии как имперского государства, который давал в 1921 г. британский автор Беховер, подчеркивавший, что «свободная и независимая социал-демократическое государство Грузия навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической «малой национальности», как в вопросе о внешних территориальных захватах, так и в бюрократической тирании внутри страны, шовинизм ее вне всяких границ» [19. С. 14]. Эту точную характеристику нейтрального автора, которую тот давал почти 100 лет назад, удивительно совпадало всегда и при всех руководителях, когда Грузия становилась самостоятельной суверенной страной. Опубликованный 26 мая 1918 г. «Акт о национальной независимости Грузии», которую вместе с грузинами подписали и два представителя осетинского народа – Алайуан Фарниев и Георгий Гаглоев, провозглашал в суверенной Грузии гражданские свободы и равенства не только грузин, но и представителей других народов перед законом, гражданские и политические права «без различия национальности, веры исповедания, социального положения и пола» [20. С. 77 – 78]. Однако эти прекрасные демократические и правовые нормы, провозглашенные в важнейшем политико-правовом документе, оказались пустыми обещаниями, особенно для абхазов, южных осетин и представителей других негрузинских национальностей. На практике руководство меньшевистской Грузии «с самого начала жестко пресекала всякие попытки оспорить суверенитет нового государства, реальный, а не мифический интернационализм, гегемонию меньшевистской партии. Эти правила игры приняло большинство партий социалистической и националистической ориентации, получивших взамен незначительное представительство в парламенте» [21. С. 88]. Такое странное представление о суверенитете Грузии, разумеется, не устраивало негрузинские народы, некоторые из которых оказались в составе «территориально целостной» Грузии исключительно по воле большевистских руководителей Москвы и Тбилиси, подписавших 7 мая 1920 г. в Москве Договор между РСФСР и Грузией. Под руководством меньшевистской партии, самой многочисленной и наиболее популярной в Грузии, был взят «на вооружение грузинский национализм и идея национальной консолидации» [21]. Деятельность большевистской партии, а также национально-освободительное движение абхазского и югоосетинского народов жестко пресекались меньшевистским правительством, которое на протяжении трех лет своей независимости регулярно устраивало кровавые бои в Абхазии и Южной Осетии. Все это ста-

ло достоянием историографии Кавказа [22; 23; 24; 25; 26; 27], что освобождает меня от повторов уже известного в отечественной науке. Кроме того, пресекались любые свободы, например, армянского, азербайджанского и других негрузинских народов, которые, поверив руководству страны «о гражданских свободах и равенстве граждан перед законом», позволяли себе иногда заявлять о них.

Меньшевики в интересах «общенациональной консолидации» не допускали в газетах и журналах, в целом в грузинском обществе, критики в свой адрес. Руководитель суверенной меньшевистской Грузии Н. Н. Жордания заявил в парламенте, что «в пределах Грузии не будет выходить ни одна газета, будет ли она русская, армянская или другая, которая не будет стоять решительно на почве независимости Грузии» [28. С. 20]. А независимость Грузии меньшевистская партия понимала весьма специфично: нужно было постоянно хвалить меньшевиков. Даже в тех случаях, когда они заслуживали суровой и обоснованной критики за серьезные ошибки и провалы во внутренней и внешней политике.

Что касается Абхазии и Южной Осетии, то здесь после победы Октябрьской социалистической революции 1917 г. набирала темпы национально-освободительная борьба, конечной целью которой была практическая реализация национального самоопределения абхазов и южных осетин. Обращаю внимание и на то, что Абхазия и Южная Осетия неоднократно заявляли тбилиским властям, что они не будут в составе Грузии, которая вышла из РСФСР, избрав путь суверенного государственного устройства. В ответ Правительство суверенной Грузии учинила на территориях Абхазии и Южной Осетии в 1918 – 1920 гг. геноцид абхазского и югоосетинского народов, что получило свое освещение в историографии Кавказа [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38]. Обращаю внимание и на то, что меньшевистское правительство Грузии во главе с Н. Н. Жордания, пыталось решить все вопросы внутренней и внешней политики исключительно, опираясь на вооруженную силу. Фактически такая концепция строительства суверенного Грузинского государства стала особенностью меньшевистского правительства. Бывший главнокомандующий грузинскими вооруженными силами генерал Г.И. Квинитадзе подчеркивал, что за три года независимого существования Грузия вела восемь войн [39. С. 8], в том числе кровопролитные гражданские, межнациональные* в Абхазии и Южной Осетии, закончившиеся в 1920 г. геноцидом абхазского и югоосетинского народов, а также войны с Азербайджаном, Арменией, РСФСР и т. д.

Процесс появления новых независимых государств чаще всего сопровождается множеством проблем, а чаще всего еще и кровопролитием. Каждый конкретный случай, как правило, несет в себе множество вопросов и проблем, в первую очередь правового характера, а затем экономического, культурного, межнационального и т.д. Их успешное решение требует обширных и глубоких знаний, политической воли со стороны нового независимого государства и, конечно же, метрополии. А еще объективности во всех спорных вопросах. Эти проблемы, в основном, связаны с тем, что на протяжении почти 80 лет юристы, политики, историки и другие специалисты не могут определить точные признаки, которым новое независимое государство должно соответствовать, чтобы считаться полноценным суверенным государством (лат. *imperium*, *civitas*; англ. *state*) – «в теории права способ организации классового общества как суверенного, исторически сфор-

* Межнациональная война – масштабное социально-политическое явление, представляющая собой жесточайший акт разрешения территориальных, национальных, религиозных и других противоречий между народами, в том числе в одной федерации, вооруженными средствами. Межнациональная война порождается глубинными причинами, носящими как объективный, так и субъективный характер. Ее содержание соответствует национально-стратегическим целям, достигаемым насильственными методами. Главным орудием ведения межнациональной войны являются незаконные, то есть не предусмотренные конституцией вооруженные формирования (боевики), способные вести активные боевые действия. Межнациональная война приводит к большому человеческим жертвам, утрате материальных и духовных ценностей, созданию «образа врага», разрушительно воздействует на общественно-политическую, демографическую, межнациональную обстановку не только в зоне боевых действий, но и за ее пределами (Дзидзоев В. Д. Национальные отношения на Кавказе. – Владикавказ, 1998. С. 200).

мировавшегося, основанного на определенной преобладающей системе производственных отношений; основной институт политической системы, форма организации публичной политической власти» [40. С. 210]. Объективным выражением государства считается «совокупность представительных, исполнительных и судебных государственных органов, образующих государственный аппарат» [40]. Замечу, что этими характеристиками государства обладают Абхазия и Южная Осетия. Кроме того, молодые суверенные государства Южного Кавказа в пределах своих территориальных границ (Абхазия – 8 тыс. км², а Южная Осетия – 3,9 тыс. км²) выступают в качестве единственного официального представителя всего населения, не только абхазов и южных осетин, но и представителей других народов, проживающих в Абхазии и Южной Осетии. Эти народы объединены по признаку гражданства, то есть они являются гражданами суверенных государств: Абхазии и Южной Осетии. Народы двух молодых независимых государств обладают государственным суверенитетом, то есть верховенством на своих территориях и независимостью во взаимоотношениях с другими государствами. Нет сомнения и в том, что народы Абхазии и Южной Осетии являются единственными носителями суверенной власти на своих территориях. Обращаю особое внимание и на то, что благодаря государственности Абхазии и Южной Осетии на территориях двух молодых независимых государств уже четверть века «формируется право, то есть издаются законы и подзаконные акты, обладающие юридической силой и содержащие нормы права» [40]. В молодых независимых государствах Южного Кавказа мы видим нормальное функционирование государственного аппарата управления обществом, социальными сферами и другими внутригосударственными процессами. Все в соответствии с Конституциями государств. Анализ проблемы позволяет утверждать, что государственный аппарат как Абхазии, так и Южной Осетии, «состоит в государственно-властном характере их полномочий, что связано с обязательным юридическим оформлением формирования и деятельности этих органов и основанной на этом их способности издавать правовые акты и охранять их от нарушения» [40].

В молодых суверенных государствах Южного Кавказа имеются четко функционирующие правоохранительные органы – прокуратура, суд, милиция и т.д., которые на основе существующего права и политической системы государства охраняют законность и правопорядок. Наконец, в Абхазии и Южной Осетии функционируют вооруженные силы, а также органы государственной безопасности, которые обеспечивают оборону Абхазии и Южной Осетии, их суверенитет, территориальную целостность государств, спокойствие и безопасность своих граждан, независимо от национальности, возраста, вероисповедания, пола и т.д. В дальнейшем, при удачном стечении обстоятельств как внутри суверенных государств, так и в международных отношениях, перечисленные признаки государственности, по нашему убеждению, будут наполняться конкретным содержанием. Таким образом, не вызывает сомнений исторический и правовой факт существования суверенного государства в Абхазии и Южной Осетии. Анализируя данную проблему, можно было бы сослаться на мнение западноевропейского специалиста Ханса Кельзена. В работе «Признание в международном праве... теоретические исследования» он пытается глубоко и максимально объективно анализировать суть государства с точки зрения международного права. Любая историческая общность народа, стремящаяся стать настоящим и признанным международным сообществом государством, по мнению Х. Кельзена, должна соответствовать следующим критериям:

Во-первых, общество должно быть подчинено централизованному правовому режиму; должны наличествовать центральные органы власти, ответственные за создание и введение норм этого правового режима, в частности, правительство; обычно такое состояние общества можно охарактеризовать как политически организованное.

Во-вторых, правовой режим, регулирующий жизнедеятельность общества, должен осуществлять эффективное управление на определенной территории или конкретно над всеми индивидуа-

ми, проживающими на этой определенной территории. В целом режим должен быть эффективным и постоянным, т. е. должен фактически применяться и соблюдаться. Обычно такое состояние характеризуют тем, что должна существовать сила или власть, допускающая устойчивое подчинение индивидов, проживающих на определенной территории.

В-третьих, общество, управляемое таким образом, должно быть независимым, то есть не должно подчиняться какому-то другому обществу, также рассматриваемому в качестве государства. Государство в международном праве – это правовое общество, подчиняющееся общим нормам международного права, но не нормам закона любого другого государства. Общество, удовлетворяющее эти требования, является государством. Режим, управляющий этим обществом, является правовым режимом государства, территория, на которой этот порядок эффективен – территория государства, индивиды, проживающие на этой территории – население государства, а индивид или группа индивидов с делегированными полномочиями представлять общество в его отношениях с другими государствами – законно избранная власть этого государства. Все это соответствует нормам международного права [41].

Приведенная характеристика государства, с точки зрения известного и признанного специалиста по международному праву, позволяет утверждать, что Абхазия и Южная Осетия состоялись как суверенные государства, так как соответствуют всем признакам, сформулированными Х. Кельзенем. В независимых государствах Южного Кавказа имеется четкое подчинение централизованному правовому режиму. Здесь функционируют конституции, соблюдаются четкие установки центральных органов власти, функционируют правительства Абхазии и Южной Осетии. На территориях этих государств наблюдается эффективное управление властных структур, на основе четких юридических прав, демократии, других общепринятых правил. Важно подчеркнуть и то, что во внутренние дела Абхазии и Южной Осетии ни одно иностранное государство не вмешивается, включая Грузию и Российскую Федерацию. Таким образом, в двух государствах Южного Кавказа абхазская и югоосетинская общества управляются вполне суверенно по собственным правовым нормам и нормам международного права.

Государство, как известно, определяется конкретными факторами, среди которых следует выделить территорию, население, организационные структуры, коммуникации, управленческие кадры [42. С. 94]. Конкретный подход к определению государства, как триединства – «территории, населения и власти» следует признать объективным и справедливым, так как «без материальных факторов, к которым следует отнести в первую очередь природные богатства, в целом территорию, а также население трудно представить себе существование государства» [43. С. 76]. К этому следует добавить, что некоторые отечественные специалисты по национально-государственному строительству давно предлагали механизм реализации права нации на самоопределение. Так, например, А. Зубов и А. Салмин еще в 1989 г. обосновали вполне мирный механизм образования нового независимого государства. По их мнению, вопрос об отделении конкретного народа (нации) от любого государства должен решаться на территории, которую определяет национальный орган, принявший квалифицированным большинством резолюцию об отделении. Далее проводится референдум и, если большинство избирателей высказывалось за отделение, в соответствующем районе вводится на несколько лет режим управления из центра. Если за указанное время изменение общественного мнения не произошло и повторный референдум демонстрирует волю к отделению, территория подлежит отделению при условии, что право на самоопределение сохраняют и проживающие здесь национальные меньшинства [44. С. 32]. Обращаю внимание, что данное предложение для Абхазии и Южной Осетии с августа 2008 г. потеряла свою актуальность, так как их независимость признана Российской Федерацией и другими государствами (Венесуэла, Никарагуа, Науру и др.). Однако в самом начале 90-х гг. XX в., когда грузинская военная машина по инициативе руководства Грузии учинила массовые гражданские и межнациональные войны на

территориях бывших автономий можно было бы воспользоваться предложением ученых, так как в Абхазии и Южной Осетии народы, проживающие там, в абсолютном большинстве высказались за право нации на самоопределение и создание новых суверенных государств. Были проведены там и референдумы (в 1992 и 2006 гг.), где абсолютное большинство народов высказалось за независимость Абхазии и Южной Осетии. Проведение референдума зафиксировано даже в Конституции Республики Южная Осетия. Таким образом, можно было Абхазии и Южной Осетии «разойтись» с Грузией вполне мирно, без гражданской и межнациональной войны, где погибли десятки тысяч молодых парней не только грузинской, абхазской и осетинской национальности, но и многие другие. А самое главное – при мирном и добровольном «разводе» можно было сохранить близкие и дружественные отношения, как сохранили шведы и норвежцы в 1905 г., чехи и словаки в 1991 г. и т.д. Здесь же, в Абхазии и Южной Осетии, как известно, дело дошло до кровопролитных войн, которые имели тяжелейшие последствия не только для Абхазии и Южной Осетии, но и для самой Грузии. Анализу этих войн будут еще посвящены труды историков, правоведов, политологов, социологов и других специалистов. Но это все в будущем. Здесь же необходимо остановиться на анализе суверенитета в целом и, в частности, суверенитета Абхазии и Южной Осетии.

Из трех основных принципов государства, которые имеют самое большое значение для международного права (власть, население и территория) в Абхазии и Южной Осетии мы видим в наличии каждый из этих принципов. При этом подчеркнем, что из них основных принципов наиболее важными, с нашей точки зрения, являются власть и территория. Кроме того, независимые государства Южного Кавказа показали на деле возможности защиты своей территориальной целостности, когда отразили натиск более сильного государства – Грузии. Известный отечественный специалист-государствовед И. Д. Левин подчеркивает: «Несмотря на то, что теория территории как объекта публично-вещного права еще действует в ряде норм международного права, все же считается общепризнанным, что изменения государственной территории представляют собой изменения в самой личности государства» [45. С. 115]. Что касается территории, то Абхазия и Южная Осетия отстаивали в противостоянии с Грузией территориальную целостность своих государств.

Однако более сложным является вопрос уменьшения количества граждан в новых независимых государствах, особенно в Южной Осетии. Здесь количество граждан уменьшилось как минимум вдвое. Непосредственно на суверенитет государства такое изменение людского состава в Южной Осетии особого влияния не оказывает. Заметим и то, что уменьшение количества граждан в Южной Осетии не может изменить актуальность государственного развития, суверенитета, его цели и задачи.

Выше подчеркивалось, что проблема взаимосвязи принципа территориальной целостности государства и принципа самоопределения народов (наций) вплоть до отделения и образования нового суверенного государства, как в прошлом, так и в настоящем продолжает оставаться одной из самых трудно разрешимых проблем международного права. Лишь за редким исключением, данная проблема взаимосвязи двух важнейших принципов приводит к большим войнам, межэтническим конфликтам, разрушению десятков городов и сотен сел. Специалисты международного права не могут определиться, какому из этих двух важнейших принципов отдать предпочтение. Признанные специалисты во всем мире высказывают разные точки зрения, каждая из которых, наверное, имеет право на существование. Однако, по моему убеждению, наиболее предпочтительней является право нации на самоопределение и необходимость общими усилиями работать над становлением молодых суверенных государств. Предпочтительней, потому что возможность мирного развития суверенного государственного строительства является, во-первых, более справедливым во всех отношениях, а во-вторых, отвечает интересам международной безопасности. Даже самый беглый исторический экскурс убеждает в том, что в ходе гражданских и меж-

национальных войн только на территориях бывших СССР и Югославии было уничтожено сотни тысяч людей разных национальностей и вероисповеданий. Причиной тому стала кровопролитная война между двумя общепризнанными принципами международного права – «территориальной целостностью государства» и «правом нации на самоопределение». К этому следует добавить, что вокруг этой в высшей степени актуальной проблемы дискуссии идут давно – со второй половины XVIII в. За это время дискуссии, в которых принимали активное участие не только политики, общественные и религиозные деятели, ученые-историки, правоведы, но и государственные деятели различных стран, то обострялись, то затухали. Обострялись в периоды, скажем, наполеоновских войн, буржуазно-демократических революций в Европе в XIX в., Первой и Второй мировых войн, продолжительной деколонизации и т.д. По проблемам территориальной целостности государств и право нации на самоопределение пишут не только правоведы и историки, но также и политологи, философы, этнологи, социологи и т.д. В настоящей статье можно было бы выделить труды И. Д. Левина [45], В. С. Шевцова [2], Л. М. Карапетян [46], М. Н. Марченко [47], А. А. Кокошина [48], Г. Н. Манова [49], А.И. Лепешкина [50], М. А. Аржанова [51], К. Д. Коркмасовой [52], Н.Н. Алексеева [53], Д. А. Тэпс [54] и многих других. Интересные и содержательные мысли и выводы по этим проблемам имеются также у дореволюционных специалистов А. И. Яценко [55], Н.И. Палиенко [56], а также у иностранных правоведов, особенно у основоположника немецкой социологии права Г. Еллинек [57], О. Дани [58], у одного из лидеров немецкой социал-демократии О. Бауэра [59].

Следует подчеркнуть, что размытость, расплывчивость и абстрактный характер основных дефиниций по проблемам территориальной целостности, право нации на самоопределение, суверенитета государства и другие, специфика подходов, а кое-где и ингажированность исследователей обуславливают большое расхождение мнений по целому ряду аспектов важной общественно-политической и государственной проблемы. Анализ трудов вышеперечисленных авторов, также как и многих других, позволяет утверждать, что большинство из них уделяло более пристальное внимание анализу и дефиниции определения политического статуса территории, проще говоря, территориальной целостности государства. Среди исследователей нет единства и по вопросу самоопределения нации (народов) в современном международном праве. Не дают об этом четкого ответа труды И. Д. Левина, К. Д. Коркмасовой, Л. М. Карапетян, А. А. Кокошина и др. Отдельные ученые, анализируя право нации на самоопределение, выделяют внешний и внутренний характер этого сложного политико-правового явления [60. С. 125].

Внешним самоопределением, по мнению А. Я. Йонгмана и А. П. Шмидта, считается такой тип самоопределения, когда народы самостоятельно, без внешнего вмешательства, определяют свой политический статус в системе международных отношений. А что касается внутреннего самоопределения нации, то оно реализуется в рамках одного государственного образования. Многие специалисты (правоведы, историки, политологи и т.д.) считают, что в соответствии с положениями международного права, зафиксированными четко и однозначно в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1970 г. и Венской Декларации 1993 г., а также сложившейся на протяжении длительного периода практикой права на «внешнее самоопределение» относится только к народам, находящимся в колониальной или иной иностранной зависимости или в условиях иностранной оккупации. Высказывается также мнение, что «в иных случаях «внешнее» самоопределение (сецессия) может считаться законной, если власти государства делают невозможным «внутреннее» самоопределение, то есть допускают массовые нарушения прав человека или систематическую дискриминацию, и если нет иного способа изменить сложившееся положение» [61. С. 162].

Известный специалист по международному праву профессор А. А. Моисеев отмечает в целом важную роль национального самоопределения, в то же время подчеркивает, что оно, это право, не может распространяться как универсальная ценность, применяемая для всех народов пла-

неты [62. С. 296]. Можно согласиться с его мнением, учитывая, что на земном шаре насчитывается более 5 тысяч различных народов, а государств – более 200. Трудно себе представить не только 5 тысяч различных государств, но даже и около 1 тысячи суверенных государств. Это означает, что формула «один народ – одно государство» вряд ли реализуема. Однако в мире есть десятки различных народов, которые давно уже созрели для реализации национального самоопределения, и речь в данном случае должна идти о них. Среди них курды Турции, Ирана, Ирака и Сирии, армяне Нагорного Карабаха, сербы Хорватии и многие другие, которые живут на своей исконной территории, имеют древние и средневековые традиции собственной государственности, уникальную культуру и все остальное, что требуется для национального самоопределения. Нужна только политическая воля руководителей государств, от которых они мирным способом хотят отделиться и жить свободно в содружестве равноправных народов. Несмотря на огромную роль права нации на самоопределение в предшествующие периоды, в нынешние времена создается впечатление, что оно теряет свою былую актуальность. На мой взгляд, это ложное впечатление и оно провоцирует вооруженный сепаратизм, межнациональные конфликты, хаос и беспорядки на десятки, а то и более лет в различных регионах земного шара. По мнению А. Этциони, необходимо объединять усилия ученых для более энергичных действий и вводить право нации на самоопределение в более четкие правовые рамки, ограничивая его «принципом территориальной целостности» [63. С. 106].

Данное утверждение мне кажется достаточно спорным, так как ограничения принципом территориальной целостности государства не позволяют конкретному народу реализовать свое право на самоопределение. И примеров тому множество. Например, курды, которых более 20 млн человек, не могут уже десятки лет воспользоваться правом нации на самоопределение и создать свое государство. Армяне Нагорного Карабаха, которые провозгласили свое государство в 1988 г., но до сих пор считаются непризнанным государством, так как нарушили территориальную целостность Азербайджана. Русские и представители других народов, провозгласившие Приднестровскую Молдавскую Республику в период развала СССР, до сих пор считаются непризнанным государством, так как нарушили территориальную целостность Молдовы. Можно и дальше приводить примеры несоответствия территориальной целостности государства и права нации на самоопределение. Но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в дискуссионности утверждения А. Этциони. Более категоричным в вопросе права нации на самоопределение является мнение известного осетинского правоведа профессора Ю. И. Кониева, который считает, что в международном праве необходимо руководствоваться правом на самоопределение и созданием суверенных государств, если народы, проживающие на территориях, желающих отделиться, отвечают международным стандартам [64. С. 5].

Однако и здесь, на мой взгляд, остаются дискуссионные моменты, связанные с тем, что международные стандарты иногда допускают двойное толкование. Так, например, независимость Косово признали в общей сложности около 80 государств во главе с США и Великобританией. Не признали суверенитет Косово Российская Федерация, страны СНГ и те государства, которые с нами дружат, в том числе Китай, Иран, Турция и др. В то же время, независимость Абхазии и Южной Осетии признала Российская Федерация и ряд других государств. По моему убеждению, этот конкретный пример говорит о двойном толковании права нации на самоопределение вплоть до отделения и создания нового суверенного государства. Такое двойное толкование одного из важнейших принципов международного права выходит напрямую на геополитические процессы и геополитическое противостояние между Вашингтоном и Москвой. Если какое-то молодое суверенное государство получает признание со стороны Вашингтона, то Российская Федерация всеми возможными средствами старается не признавать его. И наоборот, если суверенитет молодого

государства признается Москвой, то Соединенные Штаты Америки находят десятки «веских аргументов», чтобы признание суверенитета осталось частичным.

Отдельные специалисты, например, А. Эйде, Н. И. Грачев и другие пишут, что некоторые международные документы, где имеются упоминания о праве нации на самоопределение, допускают широкое и расплывчатое толкование идеи национального самоопределения [65. С. 259]. В качестве конкретного примера такого утверждения можно сослаться на признание Косово как суверенного государства, с одной стороны, и признание суверенитета Абхазии и Южной Осетии, с другой. Анализ данной проблемы свидетельствует о том, что необходимо определиться еще и с понятием «народ» («нация»). Народы земного шара на какой-то конкретной территории могут быть коренными (исконными), как, например, абхазы в Абхазии, а южные осетины в Южной Осетии. Однако есть и народы, которые продолжительное время живут на какой-то конкретной территории, но они там не являются коренными (исконными) жителями. Например, корейцы на Дальнем Востоке Российской Федерации, ингермонландские финны в Ленинградской области, греки, болгары на побережье Черного моря РФ и т.д. В этой связи считаю возможным сформулировать дефиницию «коренного народа» («коренной нации»), которую давал уже в предыдущих научных исследованиях. Под «коренным народом» («коренной нацией») подразумевается «тот, который на данной конкретной территории живет веками, а то и тысячелетиями. Этногенез этого народа произошел именно здесь, и он создал на данной конкретной территории свои лучшие национальные творения (язык, эпос, культуру, традиции, духовность и т.д.), неоднократно защищал ее с оружием в руках от различных завоевателей и притеснителей, обильно проливая кровь своих сыновей и дочерей, что дает ему политическое и моральное право называть эту землю исконной, родной, отцовской, суверенной» [66. С. 50].

Если коренной народ подвергается различным формам притеснений, насильственной ассимиляцией, экспансии со стороны численно превосходящего его другого народа, государственными органами власти, что подтверждается конкретными фактами и убедительными примерами, то этот народ имеет полное право на реализацию национального самоопределения, в том числе и с оружием в руках. Так было, например, в Абхазии и Южной Осетии, где продолжительное время, начиная с XIX в. и до 26 августа 2008 г. продолжалась национально-освободительная борьба абхазского и югоосетинского народов, в результате которой периодически вспыхивали гражданские и межнациональные войны, которые переходили в геноцид тбилисских властей в отношении абхазов и южных осетин. Данная проблема получила свое освещение в историографии Кавказа [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38], что освобождает меня от необходимости повторять здесь, в небольшой журнальной статье, известные исторические и правовые факты.

Следует иметь в виду, что государства как «основные субъекты международно-правового нормотворчества несут особую ответственность в деле предотвращения дискриминации и защиты национальных меньшинств, ибо последние, являясь таковыми, существенно ограничены в возможностях оказания влияния на политику своих государств, как в смысле законодательства, так и в смысле проведения фактической политики по отношению к ним, и их положение не должно целиком зависеть от доброй воли или же произвола соответствующих правительств» [65. С. 260]. Международное право должно стать надежным гарантом прав национальных меньшинств.

Известный специалист международного права В.В. Кочарян подчеркивает необходимость международно-правового регулирования проблем национальных меньшинств с тем, чтобы они имели надежного защитника своих прав в лице международного права и соответствующего механизма, а если подойти шире – в лице международного правопорядка и мирового сообщества в целом [67. С. 36].

Некоторые специалисты доказывают необходимость защиты национальных меньшинств, права которых должны быть подробнее и четче прописаны в различных документах международного права, и особенно в правовых актах, касающихся непосредственно возникновения новых суверенных государств и их признания другими государствами [68. С. 162; 69. С. 126; 49. С. 42; 70. С. 38].

Замечу, что малочисленных народов, нуждающихся в правовом обеспечении, намного больше в мире по сравнению с многомиллионными народами. В Уставе ООН, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г., изложены основные положения Декларации о принципах международного права, которые относятся к сотрудничеству между государствами, а также дружественным отношением народов. В этом важнейшем документе подчеркивается, что «методом реализации права на самоопределение может быть создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, а также установление любого другого политического статуса» [71. С. 95]. Особо следует подчеркнуть, что данная Декларация признает право на внешнее самоопределение за народом (нацией), находящимся в колониальной или иной иностранной зависимости. В то же время, важнейший документ признает это право и за отдельной частью населения страны, не имеющей возможности реализовать внутреннее самоопределение в форме участия в управлении государством. Таким образом, осуществление национального суверенитета, как считают отдельные специалисты, получило «постоянную прописку» в международных актах практического воплощения национального суверенитета в форме внутреннего самоопределения [72. С. 92; 73. С. 21 – 22; 2. С. 39]. Замечу, что сказанное относится не только к этапу деколонизации, но и к последующим временам, включая сегодняшнее политико-правовые реальности, особенно на Кавказе, а также в Молдове, Украине и т. д.

Ученые-правоведы, политики, государственные и общественные деятели продолжают искать различные формы реализации право нации на самоопределение. Так, в Декларации ООН о правах коренных народов, принятой 13 сентября 2007 г. на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН подчеркивается (в ст. 3), что коренные народы имеют право на самоопределение. Этим правом, как известно, воспользовались Абхазия и Южная Осетия, создав свои собственные суверенные государства. В силу этого международно-признанного принципа Абхазия и Южная Осетия имеют право устанавливать не только свой политико-правовой статус, но и свободно осуществлять свое экономическое, социальное, духовное, конфессиональное и т.д. развитие. Все это мы видим в двух маленьких суверенных государствах Южного Кавказа.

Литература

1. Политология. Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993.
2. Шевцов В. С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). – М. Юридическая литература, 1978.
3. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Литературная газета. 1990, № 43, 24 октября.
4. Абаев В. И. Трагедия Юго-Осетии. – Владикавказ: Рухс, 2007.
5. Блиев М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. – М.: Европа, 2006.
6. Дзидзоев В. Д., Дзугаев К. Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-российских отношений. – Цхинвал, 2007.
7. Дзидзоев В. Д. Проблемы советского национально-государственного строительства в Осетии и постсоветские итоги (политико-правовой анализ). – Владикавказ: Ир, 2011.
8. Чибиров А. Л. Полигон (Грузино-Юго-Осетинская война 1989 – 1992 гг. сквозь призму СМИ). – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
9. Санагоев И. Б. Истоки и факторы эволюции грузино-осетинского конфликта 1989 – 1992 гг. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2004.

10. *Тадтаев Т. В.* Социально-экономические и демографические процессы в Южной Осетии (1861 – 1991 гг.). – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
11. *Тадтаев Т. В.* Национально-освободительная борьба в Южной Осетии в начале XX в. (1900 – 1922 гг.). – Цхинвал-Владикавказ, 2014.
12. *Цховребова З. Д.* Осетины в Южной Осетии и Грузии в XIX – XX вв. (часть 1). – Цхинвал: Ирыстон, 2007.
13. *Гаглойти Ю. С.* Проблемы этнической истории южных осетин. – Цхинвал, 1996.
14. На Юге Осетии и снег горел (по материалам периодической печати в четырех томах). Т. 1. – Цхинвал: Южная Алания, 2006.
15. *Марыхуба И. Р.* Московские архивные документы об Абхазии XIX в. – Акуа (Сухум), 2008.
16. *Лакоба С. З.* Столетняя война Грузии против Абхазии. – Гагра, 1998.
17. Грузино-абхазский конфликт: 1917 – 1992 (составитель К. И. Казенин). – М.: Европа, 2007.
18. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953 (составители: Б. Е. Сагария, докт. ист. н., ответственный редактор, Т. А. Ачугба, к. и. н., В. М. Папулия, к. и. н.). – Сухум: Алашара, 1992.
19. *Беховер.* Деникинская Россия и Кавказ в 1919 – 1920 гг. – Лондон, 1921.
20. *Уратадзе Г. И.* Образование и консолидация Грузинской Демократической Республики. – Мюнхен, 1956.
21. *Безугольный А.Ю.* Демократическая Республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918 – 1921 гг. // Вопросы истории, № 10, 2009.
22. *Гаглойти Ю. С.* Южная Осетия (к истории названия). – Цхинвал, 1993.
23. *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика (сведения грузинских источников об Осетии и осетинах). – Владикавказ: Ир, 2007.
24. *Джусоев Р., Дзайнукова М., Кулова М., Плиев А., Санакоев И.* Грузино-осетинский конфликт: история и современность. – М., 2007.
25. Лето 2004 года. Хронология агрессии Грузии против Республики Южная Осетия. – Цхинвал: Ирыстон, 2006.
26. *Шанибов Ю. М.* Победа единства (политологический анализ грузино-абхазской войны и связанных с ней событий на Кавказе). – Сухум-Нальчик, 1994.
27. Абхазский архив. XX век. Вып. 1 (выявление документов, составление и введение С.З. Лакоба). Второе издание. – М., 2003 и др.
28. *Махарадзе Ф. Е.* Диктатура меньшевистской партии в Грузии. – М., 1921.
29. Геноцид осетин: 1920 год. Документы и материалы (составление, подготовка текста и вступительная статья д. и. н., проф. Р. С. Бзарова). Изд. 2-е. – Владикавказ: Арвы-Асин, 2011.
30. *Кочиева И., Маргиев А.* Грузия. Этнические чистки в отношении осетин. – М.: Европа, 2005.
31. Южная Осетия. 1988 – 1992. Хроника событий грузинской агрессии. – Цхинвал, 1996.
32. Южная Осетия: и кровь, и пепел. – Владикавказ, 1991.
33. *Аргун Ю. Г.* Геноцид абхазов. – Сухум: Алашара, 1998.
34. Абхазская трагедия (сб. док. и мат-лов). – Сухум, 2003.
35. *Марыхуба И. Р.* Очерки политической истории Абхазии. – Акуа (Сухум), 2000.
36. *Ачугба Т. А.* Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. – Сухум, 2007.
37. Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма (1947 – 1989). Сб. док. Т. 1. – Акуа (Сухум), 1994.
38. Участники освободительного движения в Абхазии. 1917 – 1921 гг. (воспоминание киаразовцев, красногвардейцев и красных партизан). – Сухум, 2007 и др.
39. *Квинитадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. – Париж, 1985.
40. Юридическая энциклопедия. – М., Наука, 2007.
41. *Kelsen Hans.* The American Journal of International Law Vol. 35, No 4 (Oct., 1941).
42. *Гассиев М. В.* Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. № 3. – Махачкала, 2014.

43. *Хадиков А.К.* Современное состояние и перспективы развития национальной государственности в контексте Российского федерализма // Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века (материалы 2-й международной научной конференции, 25 – 26 сентября 2009 г.). – Владикавказ, 2009.
44. *Зубов А., Салмин А.* От конфликта к консенсусу // Перестройка и национальные проблемы. – М., 1989.
45. *Левин И. Д.* Суверенитет. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
46. *Карапетян Л. М.* Федеративное устройство Российского государства. – М.: Норма, 2001.
47. *Марченко М. Н.* Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение, № 1, 2003.
48. *Кокошин А. А.* Реальный суверенитет. – М.: Европа, 2006.
49. *Манов Г. Н.* Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства / Отв. ред. Н. Н. Деев. – М.: ИГПАН, 1993.
50. *Лепешкин А. И.* Советский федерализм (теория и практика). – М.: Юридическая литература, 1977.
51. *Аржанов М. А.* Государство и право в их соотношении. – М.: Изд. АН СССР, 1960.
52. *Коркмасова К. Д.* Национальная государственность в СССР. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1970.
53. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. – М.: Агриф, 1998.
54. *Тэпс Д. А.* Суверенитет в теории федерализма. – СПб.: Изд. Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2004.
55. *Яценко А. И.* Теория федерализма. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912.
56. *Палиенко Н. И.* Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль. Типография Губернского правления. 1903.
57. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
58. *Данн О.* Нации и национализм в Германии: 1770-1990. – СПб.: Наука, 2003.
59. *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1909.
60. *Йонгман А. Я., Шмидт А. П.* Этнос и политика. Хрестоматия по ред. А. Празиускаса. – М., 2004.
61. *Старушенко Г. Б.* Самоопределение как правовая основа предотвращения конфликтов и защиты прав человека // Право народов на самоопределение. Идея и воплощение (сборник научных статей). – М., 1997.
62. *Моисеев А. А.* Суверенитет государства в международном праве. – М.: Восток-Запад, 2009.
63. *Этциони А. И.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. – М.: Ладомир, 2004.
64. *Коницев Ю. И.* Осетия: государственность и суверенитет. – Владикавказ: Ир, 1995.
65. *Хачирова В. С.* Международно-правовое признание народов, борющихся за независимость в аспекте соотношения принципов территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов // Бюллетень Владикавказского института управления. № 25 (материалы X межвузовской научно-практической конференции «Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты»). – Владикавказ, 2008.
66. *Дзидзоев В. Д.* Военно-политическое и межнациональное противостояние на Северном Кавказе в 1917 – 1925 гг. (к вопросу периодизации вооруженной борьбы в регионе) // Научная мысль Кавказа. Междисциплинарные и специальные исследования. № 3. – Ростов-на-Дону, 2008.
67. *Кочарян В. В.* Национальные меньшинства и их защита в международном праве // Правоведение, № 2, 1995.
68. *Дзидзоев В. Д.* Осетия в эпоху больших потрясений и перемен (исторический и политико-правовой анализ постсоветской истории). – Владикавказ, 2010.
69. *Дзидзоев В. Д.* Борьба югоосетинского народа за национальное самоопределение. 1917 – 1990 гг. (политико-правовые аспекты). – Владикавказ, 2011.
70. *Независимая Абхазия: проблемы и решения* (под редакцией Т. М. Шамба). – М., 2007.
71. *Порфирьев А. И.* Национальный суверенитет в правовой природе российского федерализма. – М.: Книгодел, 2009.
72. *Грачев Н. И.* Происхождение суверенитета: верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. – М.: Зерцало-М, 2009.

73. Бараташвили Д. И. Принцип равноправия и право народов распоряжаться своей судьбой (понятие и основное содержание) // Международное сотрудничество и международное право. – М., 1977.

Dzidzoev Valery Dudarovich, doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Theory of State and Law and Political Science Faculty of Law Gorsky State Agrarian University; Chief Scientific Officer of Vladikavkaz Scientific Center RAS; professor North Ossetian State University K. Hetagurova (37, Kirova St., Vladikavkaz, 362040, Russian Federation) E-mail: dzidzoevv@mail.ru.

**NATIONAL SOVEREIGNTY AND THE RIGHT OF NATIONS
TO SELF-DETERMINATION
(ON THE EXAMPLE OF ABKHAZIA AND SOUTH OSSETIA)**

Abstract

The article analyzes the problem of national self-determination up to secession and the formation of a new independent state. The author makes a historical excursion into the history of Abkhazia and South Ossetia, supported by political and legal documents showing the actual sovereignty of the two newly independent states of the South Caucasus. At the same time it draws attention to the principles of science, truthfulness, objectivity and historicism. Used sources dedicated to Abkhaz and South Ossetian peoples, as well as documentary historical and legal materials, showing independence of the two young states.

Keywords. *Abkhazia, Georgia, South Ossetia, Russia, sovereignty independence, the right concept, the expansion, the nation, the contract, the national policy of self-determination, the Soviet state, the national liberation struggle, the UN Charter, the republic.*

УДК 340.141

**ЭТИМОЛОГО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ «КХЕЛАХО» И «МУОНЧА»
В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ЧЕЧЕНЦЕВ**

Хабаев старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, Чеченский
Ибрагим государственный педагогический университет, руководитель научно-
Дагаевич образовательного Центра нахских исследований
(364031, Россия, г. Грозный, ул. Киевская, 33)
E-mail: ibragim_habaev@mail.ru.

Аннотация

В данной статье предпринята попытка лингвистической реконструкции юридического термина «кхелахо», употребляемого чеченцами для обозначения должности судьи. Автор, на основе некоторых моделей и предпосылок, выдвигает гипотезу о более древнем понятии судьи – «муонча», сохранившемся в лексиконе нахов и принявшем со временем нарицательное значение.

Ключевые слова: *право, правосудие, правовая терминология, судебная система, судья, народное собрание, высший суд, реконструкция.*

Научные труды и публикации советских и зарубежных исследователей по обычному праву чеченцев, увидевшие свет после восстановления ЧИАССР [1. С. 544], несмотря на глубину своих исследований и значимость для исторической и юридической науки, затронули далеко не все актуальные проблемы обычного права нахов. Беглый анализ трудов и исследований правоведов, историков и лингвистов за последние полвека показывает, что проблема реконструкции и восстановления юридической терминологии чеченцев остается нетронутым пластом истории чечен-